

Старое поколение лодочников, выросших на реке Юэцзян, испокон веков кормилось рекой: перевозили грузы да ловили рыбу.

В суровые годы военных лихолетий они не смогли остаться в стороне от бушевавшего пожара войны.

Красной армии требовалось во что бы то ни стало переправиться на другой берег, чтобы поддержать фронт, а по пятам за ней шли вражьи отряды, стремясь зажать солдат в тиски.

Лодочники не думали о цене, не взвешивали последствия. Они без колебаний перевезли бойцов через бурную воду, а едва последний солдат ступил на берег, пустили свои суда на дно и переломали весла, чтобы задержать преследователей. Этот отчаянный шаг подарил фронту драгоценные часы.

И сами они за это заплатили своими жизнями.

Имена погибших героев высечены на гранитных плитах Мемориального музея героев антияпонской войны города Цзиньчэн, навечно вписавшись в историю этих мест.

С тех пор предание о лодочниках реки Юэцзян стало излюбленным рассказом для всех, чья жизнь и поныне связана с этой великой рекой.

Чжан Говэй, который сам всю жизнь водил паромы по Юэцзяну, рассказывал эту историю без умолку едва ли не каждому пассажиру. В его груди всякий раз разливалась щемящая гордость, смешанная с тихой скорбью.

Ведь среди тех, кто остался на дне реки, были его прямые предки и дальняя родня.

В Китае, где связь поколений и память предков священны, он имел полное право считать себя потомком настоящих героев.

Чжан Говэй был уверен, что память о рельефе «Лодочники реки Юэцзян» так и останется запертой на холодных каменных стенах мемориала.

Он и помыслить не мог, что однажды эта история оживет в презентации молодого инженера. Что она воплотится в величественном рельефе под пролетами моста и будет безмолвно повествовать заезжим туристам о том, какие бури когда-то бушевали над этой безмятежной гладью.

Старый паромщик наяву представил эту картину: уставшие за день путешественники плывут на покачивающемся катере, минуют суровые бетонные своды моста Юэцзян и вдруг поднимают глаза кверху — а их лица смягчаются при виде рельефа.

И тогда этот раскинувшийся над водой исполин — изящный, широкий мост Юэцзян — обретал глубокий, почти сакральный смысл. Он не просто соединял два берега, он перебрасывал невидимый мостик сквозь время: от багровых сполохов былых сражений к сегодняшней тишине и покою.

Люй Фэн почувствовал, как в конференц-зале воцарилась глубокая, звенящая тишина.

— Это лишь художественное решение, которое я добавил в концептуальный ролик для полноты образа, — поспешил объяснить он. — Будет ли рельеф «Лодочки реки Юэцзян» украшать реальный мост, решать руководству корпорации «Парящий Дракон». Всё зависит от их генерального плана.

Когда Люй Фэн проектировал этот мост, ему приходилось буквально урезать каждый шаг: укладываться в копеечные сметы, высчитывать стоимость материалов, выверять инженерные нюансы. Экономия была его главным надзирателем.

Однако во время создания трехмерной модели он целиком ушел в мир чистого творчества. Там, перед экраном компьютера, он мог позволить себе любую роскошь. Он рендерил мост Юэцзян так, как велело сердце, не оглядываясь на прагматичные расчеты и потакая собственному воображению.

В тишине зала раздался спокойный, веский голос:

— А по-моему, идея превосходная.

Е Хуэй, руководивший развитием Нового района Юэцзян, не стал рубить идею с плеча.

Экран проектора давно погас, но перед глазами директора Е всё еще стоял тот завораживающий кадр: легкие кружева моста и ожившие на опорах тени ушедших героев, мягко дрожащие в зеркале речной воды.

— Мы готовы обсудить с вами, уважаемые земляки, все детали освоения Нового района Юэцзян, — продолжил он, обведя взглядом присутствующих. — В том числе и художественное оформление моста.

Воинственный пыл лодочников, пришедших сорвать стройку, окончательно угас. Раз уж сам директор Е пошел на компромисс, то стихийный бунт мгновенно перерос в конструктивный диалог.

Линь Ици тут же подскочил к столу, помогая Люй Фэну собрать чертежи и ноутбук.

Выйдя в коридор, Люй Фэн с облегчением стянул с себя чужой пиджак, ослабил узел галстука и протянул вещи другу.

— Спасибо, выручил, — выдохнул он.

— Рад служить брату Фэну! — Линь Ици так и светился от восторга, его обычную болтливость теперь было не унять. — Да это я должен тебе в ноги поклониться! Ты мало того что акул из «Парящего Дракона» уложил на лопатки, так еще и этих упрямых лодочников усмирил! Отец рассказывал, что их полиция уже раза три забирала, а им хоть бы хны, караулили под дверями...

Люй Фэн открыл было рот, чтобы осадить излишне эмоционального приятеля, но за спиной раздался негромкий оклик:

— Люй Фэн.

Обернувшись, он увидел Стивена Лайента.

— Господин Лайент? Вы еще не ушли? — вежливо поинтересовался Люй Фэн.

Англичанин мягко улыбнулся. Его глубокие синие глаза изучали молодого инженера с неприкрытым, искренним изумлением.

— Я полагал, что составить ТЭО для этого моста по собственной инициативе — уже верх безрассудства. Но вы... вы пошли еще дальше и спроектировали для этих людей целое будущее.

Люй Фэн прекрасно понял намек. С прагматичной точки зрения европейца он потратил прорву времени и сил на то, что не входило в его прямые обязанности. Но в ответ он лишь открыто улыбнулся:

— Полагаю, господин Лайент, окажись вы на моем месте, вы поступили бы точно так же. В конце концов, осознавать роль архитектуры в жизни города и направлять ее развитие во благо жителей — это и есть истинное призвание проектировщика.

Гость из туманного Альбиона в ответ на пафосное слово «призвание» лишь скептически выгнул бровь:

— Ну уж нет. Я бы точно не стал раскапывать старые байки ради заурядного моста.

— И всё же, услышь вы эту историю, вы не смогли бы пройти мимо, — с мягкой уверенностью парировал Люй Фэн.

В его спокойном, твердом взгляде читалась такая абсолютная убежденность, что Лайент, собиравшийся было возразить, так и замер с полукрытым ртом. Отрицать очевидное было глупо. Ведь Люй Фэн попал в самую точку.

У каждого моста есть душа и своя летопись. Стивен и сам, когда думал о своих творениях, видел за сухими чертежами и технологиями живые сюжеты. Один его мост застал грохот канонады и натиск вражеских армий, другой хранил шепот влюбленных. Эти истории вели его руку, когда он чертил эскизы; за каждым изгибом линий скрывалось глубокое сопереживание прошлому.

Взгляд Лайента потеплел, в нем промелькнуло искреннее уважение.

— Так, значит, эта легенда и вдохновила вас на создание проекта?

Люй Фэн лишь грустно усмехнулся. На душе у него было на удивление тихо. Он вернулся на родину только ради того, чтобы строить мосты. Совсем недавно он едва не потерял самообладание из-за высокомерных замечаний Лайента, но именно рельеф «Лодочники реки Юэцзян» вернул ему внутреннее равновесие.

— История — это лишь отправная точка, — мягко произнес Люй Фэн. — Теперь, когда лед тронулся, меня мало заботит чужое мнение. Я создавал этот мост с одной целью: чтобы он простоял века и сделал жизнь людей на обоих берегах лучше.

Люй Фэн и остальные сотрудники компании «Всей Душой» давно ушли, а Лайент всё стоял посреди холла, заново переосмысливая проект моста Юэцзян.

Смелые планировочные решения, доскональное ТЭО, безупречная визуализация и, главное, глубокий гуманистический посыл — Люй Фэн превзошел все мыслимые ожидания. Стивен теперь ума не мог приложить, как описать успехи парня своему давнему другу Инь Чжили. Ему стало невыносимо стыдно за собственную недавнюю самоуверенность, когда он свысока обещал старому товарищу «как следует поучить юношу уму-разуму».

Пока Лайент предавался горькому раскаянию, Мэн Сяофэй продолжал изливать желчь.

Он совершенно неверно истолковал молчание иностранца и угодливо затараторил:

— Эти выскочки из компании «Всей Душой» просто неприлично молоды. Есть же золотое правило: работай строго в рамках выделенной сметы. А он? Накатал никому не нужное ТЭО, состряпал дешевый ролик... Разве так ведут себя профессионалы? И этот нелепый рельеф под мостом... Да кому сдались эти лодочники и старые военные байки в наше время?

В каждом его слове сквозила ядовитая насмешка над «дилетантством» Люй Фэна. На отечественном рынке, где границы обязанностей часто размыты, привычка взваливать всё на свои плечи считалась трудолюбием. Однако на Западе подобный подход к труду расценивался как грубейшее нарушение субординации: попытка влезть в чужую зону ответственности там нередко заканчивалась судебными исками.

Мэн Сяофэй самодовольно ухмылялся, уверенный, что прагматичный британец поддакнет ему.

Но Лайент лишь насупился и ледяным тоном переспросил:

— Нелепый рельеф?

Его тяжелый, пронизывающий взгляд заставил невежественного директора Мэна зябко повести плечами.

— Мост — это не просто груда железобетона, — отчеканил Лайент, и в его голосе зазвенели стальные нотки. — Это живой организм со своей судьбой. С его появлением город начнет дышать и разрастаться, подобно побегу, воспрянувшему после живительного ливня. Он принесет людям надежду.

Мэн Сяофэй опешил от столь высокопарных и витиеватых образов. Изысканный британский выговор, которому он так тщетно пытался подражать во время учебы, сейчас звучал величественно и грозно. Вот только в синих глазах спикера полыхал неподдельный гнев.

— То, что вы презрительно называли «военной байкой», есть великое наследие этой земли, — припечатал Лайент. — Проект Люй Фэна безупречен. Он связал воедино прошлое, настоящее и будущее Юэцзяна, соткав из памяти поколений плоть и кровь этого сооружения. Если ваша корпорация не способна ценить труд талантливых мастеров, то о совместной работе с бюро «С. Е» можете забыть раз и навсегда.

У Мэн Сяофэя внутри всё оборвалось. Он так гордился своим британским дипломом, так усердно выпрашивал у отца эту должность, чтобы втереться в доверие к Лайенту и вывести секреты легендарного бюро «С. Е»!

Это всемирно известное бюро собрало все мыслимые международные награды в области урбанистики и архитектуры. Его отец как раз сейчас находился в Лондоне, пытаясь добиться личной встречи с самим Инь Чжили — основателем бюро. Он надеялся, что тот из патриотических чувств согласится спроектировать для Нового района Юэцзян уникальный культурный центр.

И тут Лайент одним махом ставит крест на всех перспективах из-за какого-то «неуважения». Перед глазами Сяофэя поплыли круги. Он уже отчетливо видел, как отец рвет и мечет, навсегда лишая его доверия и теплого местечка.

— Простите ради бога, господин Лайент! — засуетился он, бледнея от страха. — Я слишком долго прожил в Англии, совсем отвык от наших реалий... Все эти исторические тонкости, рельефы — я просто не подумал! Люй Фэн действительно гениален, его проект идеален для Юэцзяна! Клянусь, у меня и в мыслях не было его принижать!

Жалкий флюгер, готовый прогнуться под любым ветром. За эти несколько дней Лайент успел по горло сытиться обществом предприимчивого директора. Тот олицетворял собой худший тип приспособленцев, которых Стивен органически не переваривал. Англичанин твердо решил при первой же возможности подробно расписать Инь Чжили все художества руководства «Парящего Дракона».

Спустя минуту Лайент совладал с эмоциями и ледяным тоном произнес:

— Что ж. У меня есть для вашего отца один весьма дельный совет. Передайте его слово в слово.

Мэн Сяофэй просиял, будто утопающий, ухватившийся за спасательный круг. Он мгновенно вытащил дорогой блокнот, занес над ним ручку и преданно уставился на мастера:

— Да-да, конечно! Слушаю вас внимательнейшим образом, господин Лайент! Запишу каждую букву!

Лайент благосклонно кивнул и с предельно серьезным видом отчеканил:

— Смените директора проекта.

Люй Фэн вернулся к себе в квартиру уже глубокой ночью. До этого они с Чэнь Анем и Линь Ици долго сидели в шумной забегаловке: за закрытыми дверями увлеченно перемывали косточки заказчикам и в хвост и в гриву материли таких лакеев, как Мэн Сяофэй.

Люй Фэн слушал их и тихонько посмеивался. Надо же: учитель Чэнь, который на людях всегда призывал его к терпению и дипломатичности, без посторонних глаз выдавал такие виртуозные проклятия в адрес самодуров-инвесторов, что у любого уши бы завяли.

Крохотная однушка встретила его привычной теснотой. Стоило щелкнуть выключателем, как тусклый свет залил скромный деревянный стол в углу. Вся его поверхность была погребена под ворохом чертежей и калек: помимо проекта моста Юэцзян, здесь теснились наброски еще доброго десятка переправ.

За два года после возвращения в Китай Люй Фэн напроектировал немало. Он послушно сдавал бесконечные квалификационные экзамены, корпел над рутинными расчетами в компании «Всей Душой» и участвовал в бесконечных тендерах.

Вот только интересных, по-настоящему масштабных конкурсов на строительство мостов было раз-два и обчелся. И единственным проектом, который по-настоящему зажигал в нем творческий огонь, оставался мост Юэцзян.

При мысли о нем сонливость как рукой сняло. Люй Фэн сел за компьютер и запустил графический редактор: он хотел выбрать лучшие ракурсы трехмерной модели, чтобы обновить свое рабочее портфолио.

Однако не успел он запустить файл, как на панели задач неистово замигал значок мессенджера. Окна группового чата лопались от входящих сообщений:

[Возвращение домой, ты взлетел!]

[Поверить не могу, что наш тихий уголок 3D-моделирования дождался своего вирусного триумфа!]

[Где автор? Срочно в сеть! Выползай, легенда!]

Люй Фэн недоуменно воззрился на этот шквал восторженных восклицаний. Некоторое время назад он зарегистрировался на популярном видеохостинге и выложил туда несколько демонстрационных роликов со своими архитектурными моделями. Проект привлек небольшую группу коллег-энтузиастов. Обычно они сухо хвалили детализацию, лениво интересовались софтом для рендеринга и снова пропадали с радаров.

Но сегодня весь чат буквально сошел с ума. Личные сообщения сыпались лавиной, и докопаться до сути было решительно невозможно. Вздохнув, он открыл окно общей переписки и отправил короткий запрос:

[Возвращение домой:?]

Этот лаконичный знак вопроса подействовал как разорвавшаяся бомба. Десятки засидевшихся допоздна пользователей тут же принялись наперебой засыпать его поздравлениями:

[О, живой! Мы тут твои рендеры уже по сотому кругу пересматриваем!]

[Композитор из Сиднейского симфонического оркестра лично написал саундтрек к твоему концепту! Мамочки мои, теперь понятно, почему ты раньше выкладывал ролики без звука. Ждал царского подарка!]

[Твое видео — это буквально «рыбалка Цзян Тайгуна». Закинул пустой крючок и выудил самого Зоттеля! Музыка легла просто божественно!]

На этот раз картина прояснилась. Месяц назад Люй Фэн опубликовал демонстрационный ролик под названием «Безмятежный пейзаж гор и вод». Видео заметил некий музыкальный корифей под ником Зоттель и наложил на него авторскую композицию.

Обычно авторы в этой секции не скупались на динамичный электро-рок или бодрый синтвейв, чтобы превратить монотонную сборку каркасов в эффектное шоу. Люй Фэн же принципиально оставил свое творение наедине с природой: в его ролике шуршала листва, пели лесные птицы и глухо рокотал далекий водопад.

Люй Фэн кликнул по присланной ссылке. Новая интерактивная функция платформы позволяла запустить аудиодорожку Зоттеля одновременно с оригинальным видеорядом «Безмятежного пейзажа».

На экране камера плавно заскользила сквозь изумрудную чашу, открывая взору остов высокого старинного павильона, выполненного в глубоких бирюзово-серых тонах. Мягкие, переплетающиеся пассажи фортепиано и скрипки зазвучали в унисон с тем, как на экране проступали очертания парящих крыш и резных карнизов.

В величии оркестровых переливов эта конструкция высилась на горном хребте подобно древней звоннице, растворяясь в густой хвое. Примечательно, что Зоттель не стал заглушать естественные шумы: щебет птиц и рокот воды органично вплелись в его партитуру, став изящным украшением мелодии.

Строгий, почти аскетичный павильон под легкими молоточками рояля словно подернулся золотистой дымкой, превращаясь в обитель полузабытых бессмертных.

Музыка была великолепна. Спорить глупо.

Вот только Люй Фэн, дослушав композицию до конца, остался недоволен.

Задумывая этот концепт, он мечтал показать уединенный приют отшельника, не оскверненный мирской суетой. Тихий шелест ветра, хруст веток под лапами диких зверей, мерный гул воды — вот что должно было составлять аудиовизуальное единство. Пышный, нарастающий пафос академического оркестра разрушал это хрупкое таинство одиночества.

Немного поразмыслив, он вбил ник музыканта в поиск. Информация была исчерпывающей: австралиец, выпускник Сиднейской консерватории, вольный композитор, неоднократно выступавший на сцене знаменитого Оперного театра.

Длинный список регалий и авторских альбомов внушал трепет. Но когда Люй Фэн скользнул взглядом по фотографии профиля, у него закралось подозрение, что сайт перепутал снимки. С экрана на него смотрел парень с взъерошенной копной осветленных волос, в нелепых огромных очках и с россыпью крупных серег в ухе. Лица за этим антуражем было не разглядеть, зато бунтарская, дерзкая харизма так и била через край. Он походил скорее на уличного рэпера, нежели на маэстро классической сцены.

Пусть Люй Фэн и не разделял его взгляда на концепцию ролика, проигнорировать такой жест внимания было бы невежливо. Композиция ведь и впрямь удалась на славу. Перейдя на

официальную страницу Зоттеля, Люй Фэн обнаружил десятки видеороликов-миллионников, каждый из которых был скромно подписан размашистым росчерком: *Zottel*. И среди этих ярких превью бирюзовый эскиз павильона смотрелся чужеродным, но безумно притягательным пятном.

Люй Фэн кликнул на иконку диалога и с удивлением обнаружил, что этот звездный музыкант уже завалил его личными сообщениями:

[Привет! Твоя архитектура прекрасна. Почему без музыки?]

[Привет! Мне так безумно понравилась твоя работа, что я наложил на нее свою музыку без спроса. Надеюсь, тебе понравится.]

[Привет! Если тебе не по душе, только скажи — я сразу же всё удалю.]

Тон писем был на редкость вежливым, а формулировки — нарочито академическими, словно пропущенными через онлайн-переводчик. «Сразу видно иностранца, наши так не пишут», — улыбнулся про себя Люй Фэн. Решив поддержать международный диалог, он набрал лаконичный ответ:

[Спасибо за музыку, звучит великолепно.]

Люй Фэн уже потянулся к крестику, чтобы закрыть вкладку браузера, как вдруг чат мгновенно ожил:

[Зоттель: О великий мастер! Я уж решил, что ты испарился и никогда не прочтешь мои сообщения. Знал бы ты, как долго я ждал! Моря успели высохнуть, горы превратились в пыль, а цветы увяли QAQ]

Люй Фэн завис перед экраном, тупо разглядывая эту тираду с обилием сетевого сленга и идиом, а затем снова перепроверил профиль музыканта.

Осветленная шевелюра, темные очки, серьги.

Какой, к черту, австралиец? С таким виртуозным знанием китайского интернет-фольклора у этого парня за душой явно билось чисто китайское сердце.

<http://bllate.org/book/20104/2003802>